Журавли

Над Осетией расцветает небо. Его недостижимая высь, окрапленная множеством облачков, похожа на огромное соцветье. От него веет свежестью и чистотой. В этой прозрачности почти у самой земли парят журавли.

Семь журавлей расплескали крылья над одинокой скалой. Совсем недалеко от скалы было их гнездо. Они покинули его много лет назад. Они были тогда молодыми, крепкими, и лишь самый юный из них не успел опериться. Все они отправились в долгий и тяжкий полет. Навстречу опасности. Навстречу иссиня-черной туче, осквернившей девственную голубень рассвета, навстречу полыхавшему зареву, обжигающий жар которого докатился до родных предгорий.

И они, взмыв выше гор, ринулись за горизонт, откуда надвигалась зловещая темень, и прикрыли собою свет солнца. Не могли поступить иначе белые птицы, рожденные под чистым небом, где господствуют вольные ветры, без которых им бы не встать на крыло.

Теперь журавли возвратились. Через тридцать с лишним лет. Вернулись с опаленными крылами, но такими же молодыми, какими запомнились. Подобное может случиться, если обратиться к памяти. И тогда у безнадежности появится надежда. И тогда надежды сбываются. И тогда возвращаются журавли...

Вот и парят они над скалой, над святым для них местом, где когда-то гнездились под отчим крылом. И будут парить вечно. Чтобы все — и те, которые прошли сквозь огненное лихолетье, и те, которые слышали о нем,— помнили о великом гражданственном значении утрат и подвигов.

Скала и птицы над ней — обелиск. На нем выбиты слова: «Семи братьям Газдановым...» Рядом стоит старая женщина. Она застыла в граните. В нем, в этом крепком камне, трепещет ее душа. Я слышу, как губы шепчут: «Магомет... Дзарахмет... Хаджисмел... Махарбек... Созырико... Шамиль... Хасанбек...» Я слышу, как, вздрогнув кончиками крыльев, тихо откликаются журавли. Семь звуков Эоловой арфы чуть тронули воздушные струи и растворились в голубой бездне...

Я узнаю эту женщину. Тасо Газданова — мать семи воинов, не вернувшихся с полей сражений. Она стоит в конце кремнистой дороги. Тогда эта дорога вливалась в Архонский тракт, по которому один за другим уходили ее сыновья. Здесь она прощалась с каждым из них, роняя единую фразу: «Возвращайся, сынок!» И каждый обещал ей: «Я вернусь, нана!»

Они не вернулись. Возвратилась память о них. Память о героях не тускнеет от времени. Она вечна и ярка, как звезды в горах. На нее не падает тень расстояний. От звезд нет теней.

...Там, где звонкая река Фиагдон, стиснутая складками гор, с яростью вырывается на простор, берет начало Куртатинское ущелье. Рядом с ним на темно-зеленом фоне грабовых и буковых лесов пестрит горсть домишек. Когда с вершин Казбека участились обвалы, жители горных аулов спустились в долину и основали село Дзуарикау.

Среди новоселов был и Асахмет Газданов. У самого подножия горы Теплехох за одно лето он поставил дом. А осенним днем привел в него хозяйку — красавицу Тасо. Вместе они собрали урожай дикой алычи, ореха, груш, тогда же возле нового дома посадили яблони, сливы, тутовник — целый сад. «Это для наших детей»,— сказал Асахмет. «Да, да, для них,— повторила Тасо,— только какие они у нас будут?..» Сказала так и заглянула мужу в глаза...

Сохранилась фотография Асахмета и Тасо. Молодые и красивые, они сняты вместе. Она в длинном платье, охваченном широким поясом с украшениями. На гладко зачесанных волосах шелковый платок. Он в черкеске с газырями, в мохнатой шапке. Во взгляде обоих — достоинство. Наверное, эту фотографию любили их сыновья.

Братья Газдановы. Они родились в горах Кавказа, и горы помнят их. Помнят крутые тропы, гранитные теснины, грохочущие воды

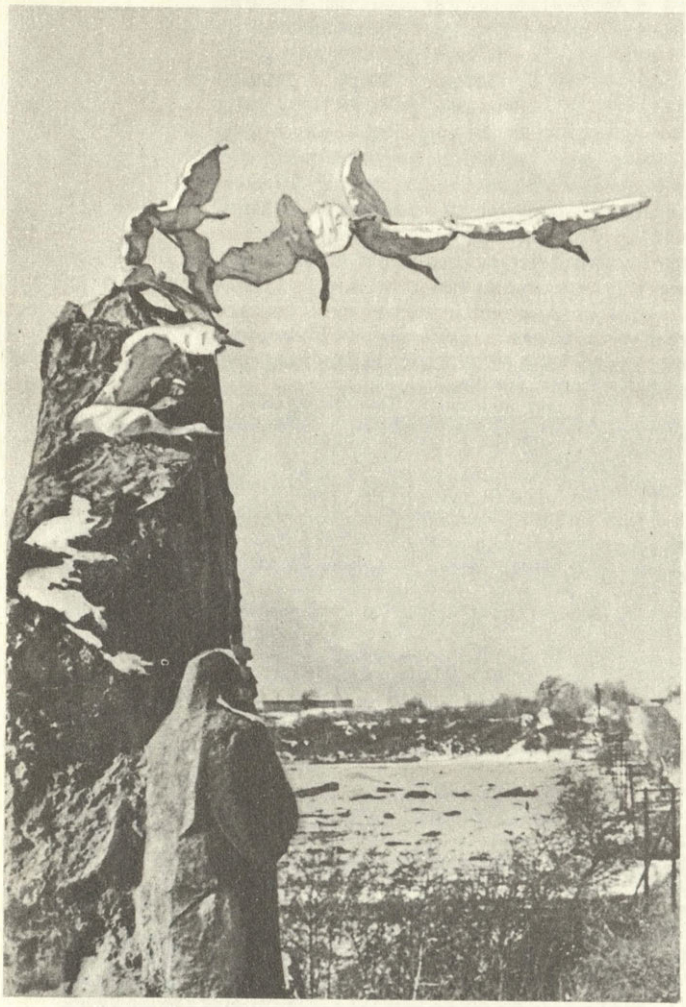
Фиагдона, певучие родники, пастбища, леса, пастушьи костры, лазурь и багрянец утренних и вечерних зорь. Помнят люди.

Какими они были?

Немногие из тех, кто и сейчас видит их живыми, и многие, знающие по рассказам, ответят коротко:

— Они были горцы...

В три слова ответ, но как широко понятие этих слов! «Они были горцы!» Значит, были смелы, отважны, дорожили честью, любили жизнь, но больше жизни — землю свою. Значит, умели на ней работать. Они и были такими, Газдановы, потому их и помнят горы. Других бы горы отвергли... Еще ими всегда владело желание во всем и всюду быть первыми, лучшими.



Обелиск в селении Дзуарикау Северо-Осетинской АССР

Первыми колхозниками в Дзуарикау стали Газдановы. С них начался колхоз «Красный горец». И позже, когда хозяйство окрепло, они были заметнее других в труде.

Первую комсомольскую ячейку на селе организовал старший брат — Магомет. В колхозе появился первый трактор, и первую борозду на нем провел он, комсомольский вожак. В Орджоникидзе окончил курсы трактористов и до самой войны возделывал колхозные поля.

Первым джигитом в округе слыл Дзарахмет. Никто так мастерски не рубил лозу. На бешеном галопе, под восторженные возгласы односельчан, подхватывал он с земли монету. Коммунист Дзарахмет Газданов, окончив совпартшколу, стал первым председателем сельсовета.

Признанным танцором был Хаджисмел. Ни одно сельское празднество не обходилось без его зажигательной лезгинки. И без его скрипки, которую сам смастерил из куска дерева и воловьих жил. Еще большим признанием пользовался он на сенокосе — и здесь ему не было равных.

Из всех братьев самый мечтательный — Махарбек. Стихи сочинял, читал много, любил сельскую детвору, и она к нему тянулась. С ней и решил связать судьбу — заочно окончил пединститут, стал преподавать в местной школе осетинский язык.

Созырико рос сильным и ловким парнем. Но особенно в глаза не бросался. Застенчив был. Питал привязанность к Хаджисмелу и, пожалуй, не уступал ему во многом: что в пляске, что в косьбе, даже в игре на скрипке.

Шамиль мечтал стать артиллеристом. Отец не возражал, лишь внес свою поправку: «Тогда учись на командира». Окочив школу, Шамиль подал заявление в артиллерийское училище.

Ну, а Хасанбеку оставалось одно: во всем подражать своим братьям. Он был самый младший, еще учился. Но семейных достоинств не умалял — среди одноклассников ходил в первых учениках.

Вот какая она была, большая, трудовая, веселая семья Газдановых. Пожалуй, дом их был самым теплым гнездом среди свитых у подножия горы Телехох. Жили-то все вместе, вместе его и обогревали. И от такого обилия душевной теплоты в домашнем очаге никогда не затухал пламень семейного счастья. А как он отражался в душе матери! Ведь семь сыновей, да каких! Каждый друг другу под стать. И все на глазах. Вроде бы и заботам расти. Да нет, не чувствует лишних забот счастливая Тасо, уж такие у нее сыновья самостоятельные.

Впрочем, одна забота не дает покоя. Невесты. Нужно же выбрать достойных. И хотя в Дзуарикау таких немало, выбрать семь из них, конечно, не просто. И потом, кому доверить это важное дело, сыновьям? Так они ведь дети, к тому же вечно заняты. Тасо приглядывалась к каждой красивой девушке села, а по вечерам делилась мыслями с неразговорчивым мужем. От детей столь важное дело держала в тайне: пусть окончательный родительский выбор будет для них неожиданным сюрпризом.

И сюрприз оказался действительно неожиданным. Однажды вечером Магомет и Хад-

жисмел привели в дом двух застенчивых красавиц и объявили их своими невестами. Вот ведь как получилось: невесты жили под боком, а Тасо их и не приметила.

Потом на все Дзуарикау искрящимся весельем прошумели две свадьбы. В те незабываемые дни предупреждала гостей счастливая мать, что надеется увидеть их в своем доме по меньшей мере еще пять раз, ведь еще пять джигитов ждут своих подруг...

Тогда над родными горами простиралось чистое небо, а по ночам единственным звуком был шелест прохладных листьев в саду. Тогда еще Тасо, привыкшая к миру и счастью, не знала, что горе может быть длиннее жизни.

И оно пришло. А она не поверила. И даже когда чистоту рассвета осквернила иссиня-черная туча. И даже когда провожала старшего, Магомета, первым ушедшего навстречу занявшемуся багровому зареву. Только и сказала с надеждой: «Возвращайся, сынок!» Дома не сводила сухих, потухших глаз с висевшей на стене новой черкески, все разглаживала ее исхудавшей рукой: «Возвращайся...»

Еще не пришла от воина весточка, а мать рядом с его черкеской повесила другую. Проводили Дзарахмета. Вслед добровольцем ушел Хаджисмел, за ним — Шамиль, Созырико и Махарбек. Остановилось время, и нет просвета среди свинцовых туч. Лишь долгожданное письмо мелькнуло было светлой искоркой, но тотчас больно кольнуло в материнском сердце: «Живы ли?!» И смотрит с мольбой на своего меньшего, который так медленно и неловко разворачивает помятый треугольник.

«Живы, нана, живы!» — прокричал юный Хасанбек. Просветлело лицо матери, но волнение, сковавшее ее, было сильнее мгновения радости, губы беззвучно шевелились, и она прикрыла их уголком платка.

То была первая весть с войны, и сразу от двух сыновей. Магомет и Хаджисмел писали, что неожиданно встретились в Севастополе, где и воюют в одной части. «Теперь за нас не волнуйтесь, вдвоем воевать надежней. Пусть кто-нибудь из братьев напишет нам. Кто из старших еще дома, может, Созырико? Как там наш сад?»

Письмо это шло с израненных черноморских берегов долго, и, пока дошло до села, вслед ему было послано другое, из той же части: «...геройски погибли в боях за Советскую Родину при обороне Севастополя». Хасанбек никак не мог прочесть эти слова, буквы прыгали перед глазами. А когда все же понял их страшный смысл, услышал, как те же слова отчетливо, громко, в раскат разнесло среди гор ущелье. И еще он услышал свой голос, и горы повторили его клятву о мщении.

Хасанбек ушел из дому все тем же Архонским трактом, по которому уходили шесть его братьев. Он не успел закончить десятый класс, но старая Тасо, провожая самого младшего сына, поняла, что расстается не с ребенком — с воином. Она поняла это, и, может, оттого прибавилось в ней веры в бессмертие своих детей. И, проводив его до тракта, откуда начиналась эта дорога в бессмертие, вновь, теперь уже привычно и спокойно, повторила свое короткое напутствие: «Возвращайся, сынок!»

В опустевшем доме повесила на стену седьмую черкеску и стала ждать возвращения.

Время меняло краски в горах, их ледяные зубцы то вспыхивали яркостью, то тлели, словно угли. Тасо ничего этого на замечала. Не замечала, как облетал притихший сад и вновь оглашался зеленым буйством. Жила ожиданием. Оно не иссякало в ней, не меркло, не растворялось в горечи слез. Только ожидания эти стали долгими, длиною в вечность. Не могла же поверить мать, что ее Дзарахмет погиб под Новороссийском, Махарбек сложил голову, защищая Москву, Созырико сразила пуля на улицах Киева, Хасанбек отдал жизнь в белорусских лесах, а Шамиль не дожил до Победы всего лишь четыре дня.

...Село Дзуарикау. Обелиск у дороги, исхоженной войной. Как же стремился я к ней в тот далекий, слишком памятный для меня день в сорок втором! Это было в ноябре...

Тучи обняли предвечерний закат и пролили дождь на Куртатинское ущелье. Видимость ухудшилась, но сквозь буковый лес ближние дома Дзуарикау еще отчетливо просматривались. Бой за село был тяжелым и ни на минуту не утихал с середины дня. Вражьи оборонительные укрепления беспрестанно вспыхивали огневыми точками, но пехота уже почти достигла лесопилки, расположенной в балке у самого края села. Наш пулеметный батальон поддерживал наступление пехотинцев. В том бою мы потеряли нескольких пулеметчиков. Почти всех их я знал. Это были молодые российские, белорусские, украинские парни. Для меня тот бой был первым, и я впервые так близко столкнулся со смертью. Боль утрат разрывала сердце. Помню, в те минуты мною овладело отчаяние. И в то же время казалось тогда, что стоит только дойти до села, занять его, как гром войны отзовется в горах последним эхом. Стоит только дойти! Но не дошел. Рядом разорвалась мина...

Тридцать четыре года прошло с той поры. И только теперь суждено мне идти по этой дороге, исхоженной войной. ведущей в село, когда-то истерзанное боями.

У дороги — скала-обелиск, над ней, расплескав крылья, парят журавли — в память о братьях Газдановых, погибших за Родину далеко от родного села. Кремнистая дорога ведет в Куртатинское ущелье. У подножия могучего утеса стоит другой обелиск — в память воинам, отдавшим свои жизни при освобождении Дзуарикау. И мне кажется, что вдали от Кавказских гор, над землей, где родились они, тоже парят журавли...

Вечного полета вам, белые птицы!

И. Ростковский

с. Дзуарикау,
Северо-Осетинская АССР